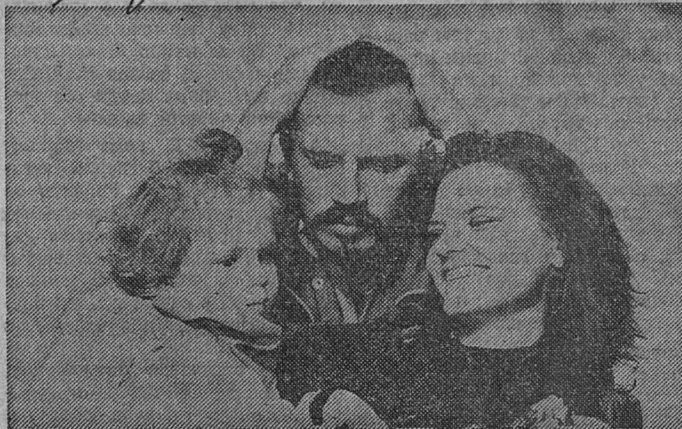

«Колыбельная» для себя

апрель - 1993 - Киев - с. 3

лась не оставлять его, не исчезать даже на время. «Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам, вечно должен биться, виться безумевший смычок, и под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном, и когда пылает запад, и когда горит восток».

Что-то должно было победить, черное или белое, «да» или «нет». И победило... «Громада двинулась и рассекает волны!» Полнометражный сценарий пошел. За него буквально схватился один, потом другой, третий... известный режиссер. Олег выходил на прямую, еще не зная, что она финишная. «Духи ада любят слушать эти царственные звуки, бродят бешеные волки по дорожке скрипачей».

Буквально в последний момент контракт на запуск сорвался. Казалось, все в ту неделю сошлось в одну точку. Стелла с дочкой уехала к родителям; откуда-то, словно из небытия, появились старые друзья... Телефон был выдернут из розетки, замок наглухо закрыт — Олег заперся «в своей скорлупе» и... умер. В комнате, где нашли его, лежала на полу маленькая книжка доктора Моуди «Жизнь после жизни».

Остались только песни, которые он по счастливой случайности записал в тон-ателье ВГИКа, несколько замечательных сценариев и полная несказанных перипетий посмертная возня вокруг его творческого наследия. «Конь на скаку и птица в лет — по чьей вине?» — писал Владимир Высоцкий не только о себе и даже скорее не о себе: Владимир Тихонов (актер), Николай Данелия (режиссер, по-

эт), Олег Казанцев (сценарист-поэт), а недавно Никита Тягунов (режиссер). И это только несколько наших ровесников в длинном и мрачном списке.

«Судьба», — скажут читатели. Может быть. Но думаю, что судьба тоже не любит преждевременных кончин, ей куда приятнее лавры на плечах своих подопечных. Ведь она и Бог — одно и то же. Вот только о Боге мы вспоминаем не всегда. И только на краю пропасти дернется что-то в сердце человека, оглянется он назад и поймет весь ужас сотворенных им ошибок. И я не об Олеге сейчас говорю и уж тем более не сужу, не дай Бог, обо всех нас, «восьмидесятниках», на которых книги доктора Моуди действуют почему-то сильнее, чем проповеди самого Христа или «Откровение Иоанна», где тоже так много говорится о жизни и смерти: «Я свет миру, чтобы всякий верующий в меня не оставался во тьме... Отвергающий меня и не принимающий слов моих сам имеет судью себе: слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день».

Как жаль, что за деревьями мы все еще не видим леса.

Олег УРЮМЦЕВ.

Р. С.: А потом я зашел к Стелле в общежитие. Она говорит, что Олег умер от тромба в сердце. Никакой «болезни» не было. Просто в сердце оказался маленький тромб. Откуда он у молодого, тридцатитрехлетнего парня? — даже врачи руками разводят.

На снимке: О. Казанцев со Стеллой и Лянкой.

Этот рассказ — о сценаристе, ВГИКовце, не столь удачливом, как предшественник по рубрике Федор Бондарчук, однако о нем следует говорить, хотя бы и посчитали нас после этого сумасшедшими.

Впервые я увидел его на XVI фестивале четыре года назад во ВГИКе. Тогда студенты думали не только о колбасе и хлебе. Тогда было все, в том числе и такие неожиданные, сумасбродные фестивали...

Нашего героя объявили так или примерно так: «Свои песни для вас поет Олег Казанцев!» Солидно, да? Вышел он, опираясь на мощную трость, с гитарой на ремне. Все бы ничего, но трость эта меня из себя просто вывела. И так я в силу своего максимализма обиделся на него, что почти год отворачивался при встречах. Но в жизни все куда сложнее...

Альтернативное студенческое объединение задумало фильм. Автором сценария и режиссером стал Казанцев. И меня почему-то пригласили сниматься в главной роли... героя-любownika, бегущего от своей прежней жизни.

Он мчался на «Жигулях» по поздней осени, переходящей в зиму, и следы его бегства терялись в горах Молдавии, где стоял вырубленный в скале монастырь. Тоска, самая что ни на есть гложущая не то по жене, не то по какой-то другой жизни гнала моего героя в неизвестное. И называлась она «Колыбельная». Не забуду первого съемочного дня в Кишиневе. Герой мой спал, как обычно, в постели своей любовницы и — вдруг рванул ветер, зашумело стекло и он, вскочив, испугался: «Что это?» — «Спи, милый, — успокоила его как бы тень, как бы воспоминание его супруги,

зашторивавшее луну и непогоду, — ветер форточку разбил».

Фильм был снят на одну треть. Мы решили перенести продолжение работы в Москву, потому что Олег заболел. Известная, в общем-то болезнь, с «вирусом», которой знаком не один русский мужик. В один из съемочных дней он так и не поднялся с заднего сиденья автомобиля. Оператор с супертехником выложил рельсы, подготвили камеру, мы трепетировали, но... так ничего и не сняли. В деревне звонил с самого утра погребальный колокол: бом-бо-ом, бом-бо-ом.

У Николая Гумилева есть великолепное стихотворение «Волшебная скрипка». Мне кажется, оно адресовано всем маленьким и большим, известным и неизвестным, но одинаково одиноким творцам: «Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка, не проси об этом счастье, отравляющем мир, ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка, что такое темный ужас начинателя игры!»

89-й год стал для Олега точкой отсчета — в прямом смысле этого слова. Именно тогда он написал сценарий полнометражного фильма о... втором пришествии Мессии. Яркая, почти нетронутая и оттого кажущаяся еще более привлекательной темой! И только при близком рассмотрении можно понять: являясь она собой то, о чем даже Иоанн Богослов, любимый ученик Иисуса Христа, взялся писать потому лишь, что продиктовано ему это было Небом. Весь «ужас начинателя игры» заключался в том, что Олег «взялся за скрипку», будучи даже некрещеным!..

Черные монахи говорят, что в своем доме, даже молясь, мы не можем с уверенностью сказать, кто незримо стоит рядом

с нами: Ангел-Хранитель или Дьявол. Только в храме и только крещеный может надеяться на помощь Святых Отцов, а за особое усердие и чистоту — самого Христа. Вот и думаю я: не слишком ли далеко зашел в своих умозаключениях мой друг? И были ли они плодом только его собственной фантазии? — вопрос номер один.

Наш материалистический взгляд на мир, наше нежелание видеть в нем ничего, кроме людей и предметов, — это наш комплекс неполноценности. Вера ведь не исключает материального мира, она учит, как сохраниться в нем, спастись в то время, как мир земной, материальный ее просто отрицает без всяких доказательств. Кто-то когда-то так решил — и все. Поэтому появившаяся книга доктора Моуди «Жизнь после жизни» бьет по нашим «неверам» с поразительной точностью, в то вре-

мя как Библия или подвергается большому сомнению или отрицается вовсе. Однако зададимся вопросом: «Что первично?..» Думал ли об этом наш герой, когда сел за рукопись? — вопрос номер два.

К тому времени, когда он закончил ее, повсюду еще горел «красный», и сценарий лег на полку. Тогда и родилась «Колыбельная». Она немного отвлекла Олега, но когда остановилась и эта работа, он не на шутку растерялся.

Казанцев не был женат. Вернее, был когда-то. Во ВГИКе познакомился со Стеллой. Она училась в актерской мастерской Анатолия Ромашкина, и роль жены в «Колыбельной» была отдана ей. Кстати, у Стеллы от брака остались только горькое воспоминание и маленькая дочь Лянка. Две половины двух бывших семей стали одной. Узнав слабости Олега, Стелла стара-